

ки... отпустилъ бороду... побилъ горничную, причемъ опрокинулъ чугунокъ съ кипяткомъ на свои лѣтніе панталоны... Но все обошлось благополучно.

Леночкѣ стало лучше, у Нюнечки на щечкахъ появился румянецъ, руки точно ниточкой перетянуты, горничная мировому не жаловалась, панталоны не испортились, къ индамъ не обращался, а взялъ у антитренера внередъ 500 р. въ раскладку немѣцкимъ...

Жиль зимній сезонъ широко. Жалованья получалъ 400 р. въ мѣсяцъ, три полбенефиса, изъ которыхъ каждый даѣтъ рублей по 700. Что за желѣзныя тогда были нервы! Съ половины десятаго утра до трехъ на репетиціи: назначаешь роли, даешь выписку декорацій, мебели, или пирровку сцены, репетируешь свою роль. Вечеромъ въ половинѣ шестаго опять въ театръ. Конечно, не обходилось безъ того, чтобы не спрашивали: утро теперь, Леночка, или вечеръ? Послѣ спектакля бывало лягнуть на извозчикѣ дѣлать уколъ, и—иѣть, чтобы дома оставаться!—отираешься ужинать съ товарищами. Устрицы, эль, бульонъ, куропатки или рябчики, кофе съ копьюкомъ. Куда же тутъ домойѣхать!..

Приѣдешь бывало домой часовъ въ 6—7. Успеешь до 9. Умоишься, одѣнешься,

два укола—и опять въ театръ. Силы держались только двух часовымъ послѣобѣденнымъ сномъ.

А дѣвочка моя росла и росла. Понравилось ей очень *стяпать*. На мою Леночку временами находило *кухмейстерство*. Сидѣть себѣ спокойно, вдругъ объявляется: Левушка! Михъ всѣ эти кушанья ужасно надоѣли. Я спеку завтра *хрустиковъ* и сварю тебѣ макароны соусъ-томатъ. Хорошо?—Хорошо.

Дѣвочка все это подмѣтила. Возьметъ и неизѣница и болтаетъ синичкой.—Это что же такое?—Это тебѣ, папа, макаіоны.

Купилъ ей всѣ принадлежности кухни, заказалъ столикъ со спинкою, на который можно было бы вѣшать кострюлочки, ситечки и проч. Театральный столяръ обდѣлалъ все это въ лучшемъ полированномъ видѣ за два съ полтиной.

Какъ-то разъ стала я выбирать при ней парикъ для роли доктора въ „Скандалѣ въ благородномъ семействѣ“. —Пана, что-о это такое?! всплеснула она ручками. Ты бѣленъкій стаичокъ!—Это, душечка, я сегодня буду старичка играть. Знаешь, вотъ такъ ходитъ... Ша-ша-ша шамкаетъ. Зубовъ у него ужъ иѣтъ.

Представилъ ей, какъ шамкаеть и какъ ходитъ. Засмѣялась.

— А у меня зубки есть. Возьми меня!
— Въ театръ?
— Да.

Взялъ. За кулисами сначала боязливо на все глядѣла, потомъ ознакомилась, начала бѣгать по сценѣ, ткнулась рученками въ занавѣсь, думая, что стѣна и полетѣла на полъ. Сконфузилась, слезы. Но изъ буфета во - время подоспѣлъ апельсинъ.

Загѣмъ поднесъ ее къ дырочкѣ въ занавѣси. Вытаращила глазенки.—Что они тамъ дѣлаютъ? — Опи, душечка, пришли смотрѣть, какъ мы будемъ играть.—Стаичка? Въ бакахъ? — Въ бакенбардахъ, дѣвочка, въ бѣленъкихъ.

— Кротковъ, давайте звонокъ на увертюру! Леночка, забирай Нюню.

Нослѣ этого она стала совсѣмъ *театральной дѣвочкой*. „Возьми, да возьми!“. Ужъ очень ей музыка нравилась. Сидѣть себѣ на колѣняхъ у мамы, задергать ножки на барьеръ и выбиваетъ ими тактъ, смакуя „пельсику“. Играль я какъ-то „Пучину“ Островского. Въ третьямъ актѣ тесть и его пріятель совсѣмъ обираютъ Кисельникова, послѣдній остается одинъ и рыдая лепечетъ „дѣтки мои, дѣтки!“...— Нана-а!... ирозвейѣлъ дѣтскій голось въ бель-этажѣ.

Да, и изобличила же она меня разъ!

Сделавши ночной уколъ, отправился ужинать. Были устрицы, эль, бульонъ, рыбчики, кофе съ копьякомъ.

Ужиналь съ двумя милейшими нациими актрисами и съ мужемъ одной изъ нихъ. Довезъ ихъ до квартиры. Мужъ довелъ жену до калитки, позвонилъ и говоритъ женѣ довольно решительнымъ тономъ. Женичка, мы съ Л. Н. на желѣзную дорогу.—Въ четвертомъ часу ночи?!—Что жъ, приходитъ поѣздъ... новыя газеты... воздухъ чистый... — Поѣзжай, поѣзжай! Поѣхали. Новой исьесы читать миѣ не предвидѣлось. Вернулся домой очень рано, въ половинѣ девятаго утра. Это мы все газеты иокунали!... Умылся, выпилъ стаканъ крѣвикаго чаю и, какъ ни въ чемъ не бывало, иду въ спальню Леночки. Вижу не спитъ, смотрить на меня...

— Ну, давай же, Леночка, дѣлать уколъ поскорѣе. Некогда!

— Вы это гдѣ же до сихъ поръ были?

— Какъ... какъ гдѣ? Сейчасть только всталъ.

— Врете! Нюня пошла съ тобой здорваться, а тебя нѣть. Ты сейчасть вернулся.

— Ты, наана, дома не спишь, кроватка пустая.

— Какъ это вамъ нравится? Шиопа въ домъ взяли... Ну... Да давайте же дѣлать уколъ, некогда съ вами разговаривать, на рецидию надо! Удралъ. Обругалъ ии за что ии про что сторожа, помощника... На рецидию все думалъ, какъ бы этого иижики отъучить отъ допросовъ. Вѣдь это что же такое? Выйдеть силетница... Пріѣхалъ домой грозный. Снимаю пальто. Что же это и пальто некому взять. „Папочка, папа! зато я пижки изъ гостиной. Пайто, давай я возьму пайто! Папа кушать хочеть“.—А что же ты миѣ ручку не цѣлуюшь? Бацъ — залупталась въ пальто—объ иоль. Засмѣялась. Вотъ-те и ругай! Сѣлъ обѣдать вмѣстѣ. Нюня противъ меня па свое мѣсто высокомъ креслицѣ. Позади меня надъ диваномъ висѣло большое зеркало. Возьметъ Нюня ложку въ ротъ, смотритъ въ зеркало и гримасничаетъ. „Папа, смотри и тамъ дѣвочка кушаетъ“! Расотырила пальчики рогулькой и начала иырять въ зеркало. Ну, вотъ иоди-жь ты! Рѣшительно придраться не къ чему! Нињка оказалось ходила за керосиномъ...

— Леночка...

— Ну?

— Можетъ что нужно Нюнечкѣ?

— Ничего.

Разсердился. Ну, ничего, такъ иничего! бросилъ салфетку на столъ и завалился спать.

Въ посту опять поѣхали на лѣто въ Киевъ. Ца пересадкѣ *провирка*: Леночка, Нюшечка, Корнил... виноватъ, пиявка, бѣлокочка (уже одна! другая отправилась въ мать-сыру землю, орошенная нашими слезами), Карль Карлычъ и канареечка!

Съ 10 часовъ утра до часу раздавался въ Шато де-Флетъ немолчный веселый смѣхъ дѣтей, въ томъ числѣ и моей дѣвочки. Всѣ ее знали и любили. А вотъ идетъ бѣлецкая дѣвочка съ желтой собачкой! говорили. Бывало завидитъ меня, летить ко мнѣ со всѣхъ ногъ. „Мнѣ, пана, Сахарчикъ пельничикъ далъ! (а Сахарчикъ этотъ примѣрно около сажени ростомъ, а въ плечахъ аршинчикъ съ добавкой). Миѣ, пана, Гинс ягодокъ далъ!“ и проч.

Время и жизнь летѣли. Ей было уже три года. На ея столикѣ появились книжки съ картинками. Кухня осталась въ полнѣйшемъ пренебреженії. Писала и рисовала какія-то каракульки. Что моя дѣвочка пишетъ?—Ахъ, пана, когда ты пишешь, я вѣдь не мѣшаю, не мѣшай и ты!—Резонъ.

При возвращеніи въ Одессу мнѣ ужъ пришлось немногого считать: Леночка, Нюнечка, нянька и Карлъ Карлычъ. Семья наша стала что-тошибко убывать.

Въ самое горячее время, передъ масляной я заболѣлъ: совсѣмъ лишился голоса. Жгли ляписомъ, нульверизировали квасцами и таниномъ. Изъ добрыхъ товарищѣй никто меня не павѣстилъ. Всѣ шарахнулись прочь, какъ отъ трупа. Рассказывали мнѣ послѣ, что писалось за тысячу верстъ знакомымъ: „Самсоновъ— кануть! одно остается—въ богадѣльню“.

Утѣшала меня моя Нюнечка и книги. Мнѣ запрещено было даже курить... Но дѣвочка бывало подбѣжитъ ко мнѣ съ кусочкомъ свернутой въ трубочку бумажки и суетъ мнѣ:

— Папа, папюска.—Ну, давай, давай! говорю я шопотомъ. Возьму и начинаю будто бы курить.

Глазенки у дѣвочки смѣются... Я, какъ ни въ чемъ не бывало, курю. Вдругъ вскакиваю.—Что это! какая это папиростка! Кто дѣлалъ?.. Папироку обѣ иоль.

Дѣвочка удираетъ, топоча каблучками, по комнатамъ звенитъ серебристый смѣхъ.

Я за нею...

Семь недѣль я не выходилъ изъ дома. Голосъ вернулся. Съ Киевомъ (городской

театръ) вель переписку на лѣто и получилъ даже просьбу о наборѣ труппы, если возможно и на великий постъ. Получаю... благодарность. *Кто-то* подрадѣль...

Жили мышибко не предвидя подобной бѣды. Обстоятельства еще такъ сложились, что начинь аутрепренеръ не могъ всего уплатить...

Что же дѣлать дальше? Что дѣлать!

Кіевъ на этотъ разъ проскользнуль у меня между пальцами. Лѣто—безъ мѣста.

На шестої недѣлѣ поста вышелъ въ первый разъ и конечно въ театръ: оставшиеся актеры давали спектакль, — Левъ Николаичъ! растопырилъ въ восторгѣ объятія актеръ, извѣстный за кулисами подъ кличкою *екатеринославской каменной бабы*—вы ли это? Ну, что вернулся голосъ, вернулся?

— Богъ милостивъ, еще поговоримъ!

— Что же вы подѣливали въ это время? обратился я къ кучкѣ товарищѣй.

— Левъ Николаевичъ, ногибаляемъ! заговорилъ одинъ актеръ.—Ну-те! Хоть пулю въ лобъ! Да вотъ сколько у васъ перстней на пальцахъ: заложите, продайте! Да пешто это на долго? Двѣ, три сотни. — Я слышалъ, всеѣ вы сбирались въ Кишиневъ. Тамъ теперь скопленіе войскъ, штабъ, интенданство... Телеграфируйте Ив.. Пов.—

Да теперь онъ не согласится. Мы вѣдь съ нимъ совсѣмъ кончили, онъ выпустилъ даже объявленія, а мы его надули!

— Вотъ-то па! За что же? — Да стали толковать, что тутъ больше возьмемъ. А какое больше — сегодня въ кассѣ ничего! Матушка, телеграфирайте вы. Вамъ онъ повѣрить! А время какъ провели бы отлично!

Пристали и другіе.—Вы доставите всѣмъ кусокъ хлѣба. Подумалъ—подумалъ и послалъ телеграмму Ив. Нов.

„Завтра приѣду лично для переговоровъ“, послѣдовалъ отвѣтъ.

Сообщилъ отвѣтъ. Всѣ такіѣ ласковые стали, даже водочкой угостили, вечеркомъ на домъ пришли о томъ—о семъ по-толковать.

Ив. Нов. прїѣхалъ. Нашель меня въ театральномъ кафе; покончили съ двухъ-трехъ словъ на соссіете. Левъ Никол., говоритъ, помните одно: я вамъ вѣрю. Если нужно немногого деньжонокъ на подъемъ, рублей сто дамъ. Но только помните, Левъ Николаевичъ,—на вашу отвѣтственность.

Вечеромъ опять всѣ у меня. Рѣшили кто на какихъ паяхъ. Рѣчи сладкія, голоса райскіе. Ив. Нов. ночью же укатилъ обратно.

Дня черезъ три опять: „Леночка, Нюничка, нянька, Карочка и я“! Самого себя даже посчиталъ. Во время пересѣзда миѣ таки порядкомъ досталось. Послѣдніе дни Лепочка въ Одессѣ дулась, а тутъ разразилась. Говорила, что дѣлаю глупость, что лучше далъ бы въ Одессѣ спектакль съ любителями. Да вѣдь ты, голубчикъ, пойми: войска проходятъ...

— Въ томъ-то и дѣло, что проходятъ. До театра ли вашего имъ теперь! Въ Одессѣ взялъ бы рублей двѣсти, а тутъ и сорока не возьмешь.

Ну, что, думаю, съ бабой толковать!
Махнулъ рукою...

Миѣ случалось наблюдать приближеніе грозы. Кажется ничего не предвидится: небо ясное, въ воздухѣ тихо-тихо. Начинаетъ слышаться какая-то непонятная тревога въ природѣ: птица въ клѣткѣ ни съ того ни съ сего перестала пѣть, облюбованный цвѣтокъ какъ то свернулся и сжался, листья на деревьяхъ начинаютъ трепетать, а вѣтру нѣть; на что курица, какъ говорятъ, птица глупая, и та иначе кудахтаетъ. Но вотъ пахнуло свѣжестью, птицы зарѣяли въ воздухѣ и непремѣнно сверху внизъ... Далеко на горизонтѣ показалась мѣдно-свинцовая тучка; рос-

теть-ростесть; мелькнула далекая молния...
Все затихло, только листики трепещут,
точно просить укрыть ихъ отъ бѣды. Прокатился далекій раскатъ... Гроза!

Съ самаго прѣзда въ Кишиневъ у меня
почему-то первы были натянуты что на-
зываются въ струнку. Пугался малѣйшаго
стука, сналь мало, а про Ѵду и говорить
нечего... да и что тамъ можно Ѵсть? Ка-
шкаваль... На репетиціяхъ мерещилось,
что Нюнечка упала съ лѣстницы, съ Ле-
ночкой хуже, Карла Карлыча отравили
шарикомъ...

Уже съ третьяго спектакля обозначи-
лось, что наше дѣло „табакъ“ и что „баба“
права. То смотры, то встрѣчи войскъ, то
только дневка, во время которой каждый
офицеръ заботился о новыхъ сапогахъ или
бани. На улицахъ народу масса. А нашъ
театръ стоилъ да стоитъ сиротинушкой...

11-го мая пошли мы вечеркомъ въ на-
сажденный ресторанчикъ. Улицы были ил-
люминированы. Ждали прѣзда Государя...

Раззорились мы по 6-ти конѣчекъ, вы-
шли по кружечкѣ пива. Вышли на
улицу. Моросилъ дождикъ, цлошки по-
тухали. Около угольного дома, гдѣ помѣ-
щалась аптека, всыхивали разноцвѣтные
бенгальскіе огни. Когда они потухали,
тьма дѣялась непроглядная. Послышался

ровный, отчетливый стукъ сотни лошадиныхъ копытъ. — Ёдетъ!.. Во всю ширь улицы несся на рысяхъ конвой Его Величества. Палаки, бурки, развѣвающіеся концы бѣлыхъ башлыковъ, въ одной руцѣ ружье, въ другой обнаженная шашка... Какъ они въ этой тьмѣ, при произвольной разстановкѣ тумбъ по улицамъ управлялись—не понимаю!.. Окруженнай ими, точно матка пчелами, появилась Его коляска... На углу зажгли красный бенгальскій огонь, стволы ружей, шапки, загорѣлые лица окрасились точно кровью... Да, кровь! Въ 8 часовъ утра мы уже знали, что въ соборѣ объявленъ манифестъ, а затѣмъ часовъ въ 10 утра и войскамъ, собраннымъ до 30 тысячъ за городомъ. Нечего и говорить о массѣ народа, хлынувшаго туда, и сотни экипажей... Я хотѣлъ было поѣхать, но за простую телѣжку требовали 5 руб.

Рассказывали мнѣ очевидцы о слѣдующемъ. Когда всѣ обнажили головы, пали съ Государемъ на колѣни, масса еврееў и молдаванъ стояла въ шапкахъ.

„У насъ всѣ первы дрожали, рука невольно поднималась съ нагайкой или сжатая въ кулакъ... но Его присутствіе удерживало насъ! говорили мнѣ многие.

Но послѣ Его отъѣзда таки не утерпѣли,

происали многимъ, какъ надо уважать русскую молитву...

Я съ театрального подъѣзда смотрѣль въ бинокль, какъ копошились по полямъ и пригоркамъ десятки тысячъ людей. Черной рѣкой лилось—лилось все это, сверкая минутами на солнцѣ оружіемъ...

Вдругъ стукъ коньтъ. Мимо театра проletѣлъ верхомъ загорѣлый, съ обнаженной грудью, не то цыганъ, не то молдаванинъ. Лошадь разстипалась въ *питетку*, искры летѣли изъ-подъ коньтъ. Черезъ минуту другой... Не знаю почему, но у меня въ душѣ шевельнулось: шпіоны!

Куда имъ такъ спѣшить? Зачѣмъ замучить кормилицу-лошадь?... Съ самаго прїѣзда въ Кипиневъ меня поражало недружелюбное отношеніе многихъ местныхъ жителей къ приходящимъ войскамъ. Наглядный примѣръ былъ въ тотъ же день. Часть войскъ по прочтеніи манифеста прямо отиравилась на Душай; часть партіями расходилась по квартирамъ. Я, Леночка, Нюня и Карлъ Карлычъ сидѣли на окиѣ.—Сойдатики-бѣятики, сойдатики-бѣятики! напѣвала Нюня. Подъ окномъ остановилось человѣкъ восемь солдатъ прислонились къ стѣнѣ и стали вытираять свои темныя какъ подошва лица. — Эхъ, братцы, хорошо бы теперь курнуть! ска-

заль одинъ и, присѣвъ на тумбочку, вынулъ изъ-за санога комочекъ бумаги, развернулъ и высыпалъ на ладонь щепотку табаку.—Братцы, послѣдня! У кого сѣрничекъ есть?

— Нѣту.

Солдатъ въ раздумы глядѣлъ на сдѣланную цыгарку. Вышелъ на улицу хозяинъ дома.—Господинъ, позвольте просить сѣрничка.

— Такъ я для васъ сѣрнички и припасаль!—Да мы чтожъ... извините... Горсть папирошъ, коробочка синичекъ, двугривенный, завернутые въ бумажку, перелетѣли черезъ мою голову къ ногамъ солдата.—Вотъ вамъ, братцы, синички, возьмите! сказала Елена Родіоновна. Всѣ выпрямились и *отдали подъ козыrekъ*.—Вотъ и видно, что наша, русская. А ты... Спасибо, барышня! Дай Богъ здоровья!..

А хозяинъ былъ... малороссъ!

Часовъ съ двухъ дня было разбито нѣсколько кабаковъ. Были не пьяные — о, нѣть! откуда быть пьянымъ, когда „сѣрничка“ не пачто купить... Это *прописывали* уваженіе къ русской молитвѣ...

Да. Такъ вотъ такимъ то манеромъ все это шло и шло... мимо театра. Становилось жутко. Ужъ кое-что заложилъ. На выкупъ вещей надежды никакой. Да что

выкупъ: Богъ съ ними съ этими вещами... А жратъ-то что? Во все время заработалъ 32 руб!..

Нюнечка нѣсколько дней бѣзъ молока.

— Папа, а молочко гдѣ же? спросить бывало утромъ. А у папы сердце на кусочки рвется и уши краснѣютъ... Спустили жидамъ кое-что изъ платья... Леночка тихонько отъ меня „свое“, а я тихонько отъ нея „свое“. И хорошую цѣну они давали. Напримеръ, за довольно свѣжую сюртучную пару, стоившую 60 руб., преподносили пять съ полтиной! Спектакли шли ни въ чью. Много-много принесешь домой 50 к... Это съ четырехъ-то сотъ жалованья! Очень хорошо. Надо было думать о болѣе дешевой квартирѣ. Такъ и сдѣлали... Въ день переборки случилась „глупость“. На подоконникъ раскрытаго окна сѣла ласточка. „Мама, мама, смотри, птичка“! У мамы руки и ноги затряслись... „Смерть, непремѣнно смерть... но чья? чья“?

— Вотъ бабы примѣты, говорю.

— А не самъ ли ты разсказывалъ, что передъ смертью твоей матери и отца ласточки влетали въ комнаты. Ну, вотъ и отлично. Въ городѣ говорять появился тифъ: вотъ я возьму и умру!

А актеры ходятъ все такие мрачные,

толкуютъ по угламъ: „Не такой репертуарь! надо поставить бы вотъ это, да вотъ это“! За малымъ исключеньемъ все шипѣло и кусало, грызлось,—ругалось,—ругалось и въ театрѣ и дома, и рѣшило прикончить. Прикончили Ив. Нов. уѣхалъ въ Николаевъ (не получивъ ста рублей, данныхъ на мою отвѣтственность), Васильевъ укатилъ въ Харьковъ; другіе ходили угрюмые, сердитые и плакались на меня! „Онъ нась сюда затащилъ!.. Я отъ любителей сколько заработалъ бы въ Одесѣ! А меня приглашали въ Николаевъ... А меня... Да нѣтъ, что васъ, меня-то“! и т. д.

Бывало заберешься въ садъ, сядешь на скамеечку и размышиляешь: за что такое спасибо? Приходишь къ одному итогу: не знаютъ, что творять. Въ Кіевѣ, на Подолѣ, есть фонтанъ Самсонъ, раздирающій пасть льву. Около этого фонтана лѣтомъ постоянно масса богоомольцевъ отдыхаетъ. Разъ было слѣдующее. Богоомолка съ кувшинчикомъ подошла, перекрестилась три раза, поцѣловала львиную лапу и проговорила: „Святой Левъ, помолись обо мнѣ грѣшной“! Это фактъ. Не то ли у насъ? Не знаютъ, что творять...

Моя бѣдная душа страшно ныла. Ни впереди, ни позади ничего! Мнѣ ужъ сда-

валось, что это не душа, а какая-то разорванная тряпница. Надо штопать... Но какъ? чѣмъ? Развѣ есть для этого иглы и нитки? Всюду какой-то трауръ. У того сына убили, у той мужа, этотъ бѣгаешь достать 15 к. на базаръ... я жду: не пройдетъ ли старьевщикъ...

Даже моя Пинечка сидѣть больше тихонько, какъ-то беззащитно наклонивши головку на бокъ, и улыбается безъ звонкаго смѣха. Что ты, моя дѣвочка? что съ тобою? Головка болитъ?

Да, головка горячая. Даль слабительнаго...

На другой день не лучше.

Послалъ за докторомъ.—Вздоръ, говорить, дайте еще слабительнаго и вотъ это лекарство. Лихорадка. Завтра заѣду.

Два рубля въ руку...

„Завтра“ не заѣхалъ. Ждалъ до вечера — иѣть. Послалъ къ нему нянью. — Утромъ пріѣдутъ.

Утромъ пріѣхали.—Это кажется корь... Закрывайте окна. Вотъ лекарство.

Два рубля въ руку. Приказаніе нянѣкѣ: закрыть окна и позвать жидовъ-старьевщиковъ.

Сундуки и чемоданы сильно пустѣютъ... А дѣвочекъ моей все не лучше.

— О, Бозе мой, Бозе мой! твердить она, лежа въ постелькѣ.

Перемѣнилъ доктора.—У нея пятнистый тифъ! громомъ раскатились надъ нами его слова.—Видите, пятнушки... Вотъ рецептъ..., Раскрывайте окна... какъ можно больше воздуха... конечно, чтобъ не сквознякъ. Не цѣлуйте ее... можете заразиться... Зайду вечеромъ.

Заѣхалъ.—Да, дѣйствительно пятнистый тифъ! Вложилъ термометръ подъ мышку. Жаръ громадный. Для вашего спокойствія совсѣтую консиліумъ...

— Кого же позвать?

— Кого желаете. Здѣсь очень уважаютъ доктора Н.

Поѣхали за Н. Осматривали, ворочали, ставили термометръ подъ мышку...—Пана, пана! испуганно кричить дѣвочка, не надо трубочки! Уважаемый „консультантъ“ долго выслушивалъ грудь, лѣвый бокъ... приподнялся съ кровати и щелкнулъ пальцами. Мое сердце захолонуло... Лекарство осталось тоже, прибавили: на голову класть компрессы, а на всю грудь компрессъ-шофанъ. Остригли мою дѣвочку. На пятый день она потеряла память. Насъ не узнавала... Не слушая совсѣтовъ доктора, мы цѣловали ея губки, ручки...

Въ одну изъ ночей она вскочила въ ру-
башечкѣ и хотѣла бѣжать.

— Что ты, что ты, моя милая!... Чего
ты... лежи, лежи .. Нюнечка! твердили
мы съ Леночкой, еле удерживая вдвоемъ
четырехлѣтнее дитя. Птица... глаза... па-
укъ... ай-ааай! Бозе мой, Бозе мой! твер-
дила она.

Мы не спали шесть ночей. Установили
съ Леночкой *чредовку*: ты, молъ, сии съ
12 до часу, я съ часу до двухъ. Ничего
не вышло. Одолѣть на минутку дремо-
та... вдругъ точно кто въ бокъ толкнѣтъ...
пугливо вскочишь. Ничего. Лампа подъ аба-
журомъ горитъ. Глаза дѣвочки открыты,
смотрятъ... Но не узнаютъ! Перемѣнишь
компрессы на головѣ, дашь лекарство...

— Если завтра она уснетъ, она спасе-
на! сказалъ докторъ.—Наблюдайте, чтобы
была вполнѣшая тишина.

...Уснула! Мы съ Леночкой были въ
восторгѣ...

— Мухи ее беспокоятъ! шептались мы
съ Леночкой въ сѣняхъ.

— Я, знаешь, ее кисейкой прикрою.

— Ну прикрой, только тихонько, ти-
хонько... Прикрыла?

— Прикрыла.

— Спитъ?

— Спитъ.

-- Слава Богу, слава Богу!

Пріѣхалъ докторъ. Я его встрѣтилъ на дворѣ.—Спитъ?—„Спитъ“.—Давно?—„Часовъ уже восемь“.

— Ну, ручаюсь головою, будетъ жива. Готовьте ей на завтра что нибудь легонькое... кашку... аппетитъ будетъ великодушный.

Понелья на бульваръ около собора, сѣлъ на скамеечку въ глухой аллеѣ и залился слезами... Дѣточка моя, дѣточка! лепетали губы.

Вернулся домой!—Тсс! прошептала Леночка, еще спитъ.

-- Слава Богу, слава Богу!..

Но Леночка моя совсѣмъ сбилась съ ногъ. Вместо четырехъ уколовъ въ сутки дѣлаю восемь.

Часу въ пятомъ вечера дѣвочка наша пошевелилась. Сняли кисейку. Глазки смотрятъ ясно...

— Папа... мама! прозвенѣль тоненький голосокъ, точно комарикъ.

— Дѣвочка моя! припала къ ией Леночка.

Я стоялъ молча, а слезы какъ горохъ сыпались на визитку. Дали ложку какого-то лекарства. Ночью опять уснула. Утромъ сѣѣла двѣ ложечки молочной каши. Слава Богу, слава Богу!.. На радо-

стяхъ отправился въ пашъ голубенькой кабачекъ и выинить въ кредитъ рюмку водки.

— Что, лучше вашей дочки? спросилъ хозяинъ, отставной унтеръ.

— Лучше, лучше! Четырнадцать часовъ проспалъ. Теперь молодцомъ! Дайте-ка кружечку иива.

— Вотъ у насъ тоже въ полку, у капитана...

Я съ удовольствиемъ выслушалъ, что было у нихъ въ полку у капитана.

— Что жъ, теперь опять играть будете?

— Нѣтъ.

— Ваши тутъ сегодня были, толковали: шесть полковъ проходятъ... двѣ недѣли будутъ стоять... Да ты не трогай, чего сливаешь! окрысился онъ на дѣвочку-дочку и,—трахъ ее по затылку. Да... Такъ вотъ говорили, будутъ играть.

— Не знаю. Не слышалъ.

Сѣѣгаль домой. Юночка ничего; не то улыбалась, не то залюбовалась мною, какъ старымъ знакомымъ.

— Па-п-на, па ручки! проинцалъ опять комарикъ. Взялъ па руки, поносилъ по комнатѣ и опять положилъ на кровать. Ничего, смотритъ хорошо. — „Сапоги, сапоги... напа!.. Сапоги“... Господи, думаю, неужели опять бредъ! — Что сапоги... что

такое, дѣточка! — „Саноги... вычисти!“—
Гляжу, саноги все въ пыли.

— Баринъ! позвала няня.

— Ну?

— Жидъ иришель.

— Барыня что дѣлаетъ?

— Кашку для барышни варятъ.

— А молоко гдѣ взяли?

— Въ долгъ взяла у жида. Русскій не
далъ, а жидъ говоритъ: г. Самсонову все-
гда можно повѣрить!

Еще кое-что продали. Да чортъ его
дери, гори все огнемъ! Моей дѣточкѣ
лучше...

Нелегкая попесла меня въ садъ. Около
театра актеры, актрисы... Ну, короче скаж-
ать, уговорили меня опять играть. Мы,
моль, народъ бѣдный, намъ каждый три-
венникъ дорогъ и проч.

— А чортъ васть возьми, да я богаче
васть что ли, что мнѣ въ лавкахъ вѣрятъ,
а вамъ иѣтъ?... Заслужите сами это до-
вѣріе...

Согласился играть, даже не свою роль,
въ „Ваалѣ“ Писемского.

До спектакля оставалось дня три. Дѣ-
вочка наша кашку что-то не ёстъ и все
жалуется Леночекъ: „Мама, я качусь...
У при мнѣ ножки... положи что нибудь“!

Читаю этого самого адвоката изъ „Ваа-

ла“, а глаза забѣгаютъ на Нюню. Что она, точно выросла? Да, выросла. И сна у нея никакого... Голосъ еще слабѣе и тоньше. По ночамъ и дніямъ только и слышимъ: Папа, на ручки!... Возьмешь... Мама, на ручки!.. Возьметъ... Къ па-п-иѣ!— Перенесешь на свою постель. Черезъ минуту—къ мам-мѣ! Перенесешь къ мамѣ...

Поскоблишь себѣ лобъ и думаешь: что такое? что такое? Взглянуль я какъ-то на Леночку, Это была не Леночка. Тѣнь прежней Леночки. Безсонные ночи, усиленные пріемы морфія—совсѣмъ подкосили се... Н-ну! думаешь, девятый валъ накатиль... *Девятый валъ...* Да. Отчего же не примѣнить къ жизни теорію моего уважаемаго профессора Остроградскаго? Я вѣдь частица матери — земли. Почему же и съ нами, людьми, не можетъ быть того же что съ водою? Да, да! ясно вижу, какъ волна несчастій ростетъ, ростетъ... до девятаго вала! А тамъ опять тише... Надо держаться!..

Насталъ памятный для меня день представлениія „Ваала“. Собралъ свой узелокъ, сдѣлалъ два укола Леночкѣ, поцѣловалъ дѣвочку. — Ты дата, старичекъ? — Нѣть, дѣточка, сегодня въ бакенбардахъ. Вотъ такие большие!.. Улыбнулась.

Денегъ дома не было ни копейки. От-

правился пышкомъ, хотя и далеконъко. Ожидалъ благъ отъ спектакля, а при неудачѣ — отъ жицовъ. Около кассы кучка актеровъ. — Ну, сколько? Двадцать два руб., а расходу 52. — Что же, еще рано, можетъ сотняга набѣжитъ.

Моя роль начиналась со втораго акта, и я гримировался съ повагою. Вдругъ, влѣтасть одинъ актерикъ и говоритъ: Л. И., ваша няня васъ зоветъ.—Что такое?—Не знаю. Вышелъ.—Что вы?—Ахъ, баринъ, съ барыней худо. Зоветъ васъ!—Ну! Ладно, я сейчасъ.

Въ бакенбардахъ, въ бѣлилахъ и руминахъ, въ кассу.—Сколько?—Пятьдесятъ рублей.

Первый актъ уже начали. Я положалъ взять на извозчика 40 коп... взять не изъ чего!

Попросилъ кассира, чтобы дерижерь въ антрактѣ сыгралъ что нибудь *ноболише*. Шобѣжалъ рысью, спотыкаясь въ темнотѣ о каменья и тумбы...

Леночка корчилась на полу въ судорогахъ.—Что ты?—Животъ... — Я тебѣ еще пять дней назадъ говорилъ, что надо пильнавской воды. Я сдѣлаю тебѣ уколъ, можетъ успокоить. Пильнавской воды привезу... (А на какія деньги я ее привезу?). Обождалъ минутъ пять. Дѣйствительно,

успокоилась. Вспель къ Нюнечкѣ. —
Пап-и-па, на ручки! угасающимъ голосомъ просила она.—Дѣвочка моя, нельзя.
Мнѣ нужно въ театръ. Няня тебя воз-
метъ... Маша, возьмите барышню!

О, какъ моя дѣвочка печально-ласково
на меня поглядѣла!

Опять рысью въ театръ. Рубаха вся
мокрая... но другой не захватилъ. Упалъ
во что-то мягкое... Папирсы забылъ!..
Первый актъ уже кончили, музыку кон-
чили. Бакенбарда одна отклеплась... —
„Лаку“! Волосы развились...—Можно на-
чинать?—А, чортъ ихъ дери, все равно...
начинайте!

Вызвали два раза. Въ антрактѣ под-
ходить ко мнѣ уважаемая мною артистка
Н. И. Степанова и, какъ-то жалко глядя
въ глаза, говорить:—Левъ Николаевичъ, у
васъ дома что-то не ладно. Поѣзжайте
домой, а спектакль мы откажемъ, ну,
хоть по вашей болѣзни.

— Какъ не ладно? Вы развѣ не знаете:
я сейчасъ бѣгалъ домой, сдѣлалъ уколъ,
успокоилась, а Нюнечкѣ лучше. Нѣтъ ли
у васъ папирски... папирсы дома за-
былъ.

Дала она папирску и отошла прочь.
Вошелъ въ уборную. Разговоръ между
товарищами сразу затихъ... — Василька,

обратился я къ Сахарову, хорошо бы теперь пивца! (Василька — это Нючечкинъ Сахарчикъ; мы съ нимъ на вы, по эту машину я часто называю *Василькой*).— Вотъ что, Левъ Николаевичъ, началь онъ, растопыривъ по обычаю пальцы,— Ѣхали бы вы домой!— Тыфу ты, Господи! И этотъ то же... Зачѣмъ?— Да дома у васъ...— Ахъ, оставьте! Все великолѣнио. Развѣ я не знаю... Морфій отъ всего сїи помогаетъ. Да и какъ же спектакль.— Да ну его къ чорту этотъ проклятый спектакль! гаркнула Василька. И пятъдесятъ рублей сбору... отдадимъ деньги назадъ! — Въ самомъ дѣлѣ, Левъ Николаевичъ, если такое дѣло... отчего же..., поѣзжайте! заговорили другие...— Да какое дѣло?— Да вотъ... ну, съ Еленой Родионовной не хорошо... стоять ли?...

— Да вы слышите, музыка уже проиграла... что вы, господа! Ну я сокрашу иѣкоторые сцены, выкину кое-что... Но отказать свинство! Гдѣ книга? Зовите суплера...

— А въ четвертомъ актѣ, Левъ Николаевичъ, мы вѣсъ совсѣмъ пропустимъ.— Да что вы! Или я съ ума сошелъ, или вы всѣ сумасшедшие!

— Ну, голубчикъ, Левъ Николаевичъ, я прошу! Я говорю, *не хорошо у васъ*

дома. Надо, чтобы вы были дома. Мы ужь тутъ безъ васъ какъ нибудь сладимъ 4-й актъ.

Что жъ это такое? Можетъ въ самомъ дѣлѣ что съ Леночкой...

— Хорошо. Давайте запавѣсь! Съ четвертымъ актомъ дѣлайте, что хотите.

Вышелъ на сцену. Въ публикѣ и за кулисами пронесся какой-то шопотъ, сдержаный говоръ.—Батюшки, подумалъ я, все ли у меня исправно! можетъ что разстегнулось... Началь говорить бойко (роль знать)... Мертвая тишина. Что за чортъ!.. Кончилъ. Вызова никакого. Играли кажется прилично.. Ну, да Богъ съ вами!..

Переодѣлся. Узелокъ подъ мышку.

— Левъ Николаевичъ, вотъ съ вами Градовъ поѣдетъ, лѣзеть опять Сахаровъ.

— Зачѣмъ? Да можетъ что нужно... въ аптеку... къ доктору...—А Маша на что!— Ну, она около Юшечки, вы около Елены Родионовны... мало ли что!.. Да ему и по дорогѣ. — Да у меня и денегъ на извозчика нѣть!—Я самъ заплачу-сь.—Ладно, думаю, плати! Ты же, молъ, долженъ мнѣ пять рублей...

Поѣхали. У воротъ прощаюсь съ Градовымъ.—Да, Левъ Николаевичъ, я зайду къ вамъ... можетъ что...—Да нѣть, благо-

дарю вась! Пошелъ по двору. Опъ за мной... Что за невѣжка, думаю.

Вошелъ. Тихо. Маша утираетъ слезы.-- Чего вы? Молчаніе. Слышу Градовъ вошелъ въ сѣни и остановился. Вотъ положеніе-то! думаю. Въ своеімъ домѣ — не хозяинъ... ну-ну!..

Вошелъ въ спальню. На полу подушки, лежитъ на нихъ Леночка, кругомъ стоять актеръ Кіановъ, Учительница-сосѣдка наша и Н. И. Степанова.

-- Что такое?

Н. И. безъ словъ указала глазами на кровать. На кровати по прежнему лежала Нюнечка, только бѣлецкая - бѣленная, словно выточенная изъ слоновой кости, и ручки сложила на груди. Зачѣмъ же она такъ ручки сложила? Точно молния обожгла мнѣ мозгъ...

— Умерла!!

Рука Н. И. приподнялась указать на нее, но упала... Всѣ молчали, робко глядя на меня, точно я могъ вотъ-вотъ убить ихъ всѣхъ.

Все это я помню, до мелочей помню. Глянулъ я на трупикъ... Замѣтилъ на стѣнкѣ пятнышко... „вотъ вѣдь какая Маша, думаю, не убираетъ: надо сї замѣтить! и почему мнѣ въ театрѣ не сказали, что она умерла? Ну другое тамъ,

положимъ, но ся *Сахарчикъ?*.. Свинья!.. Всѣ знали: публика знала, рабочие, оркестръ... я одинъ не зналъ... и игралъ!.. Нѣть, а докторъ-то? Хорошъ! — Какже, промолвилъ я, вѣдь докторъ сказалъ „готовьте кашку“?.. Молчать...

Умерла! Да. Пальцы у меня переплелись и громко хрустнули. На душѣ какая-то непонятная тишина, слезъ никакихъ, но голову сверлила неотвязная мысль: *Чьмъ же я похороню мою дѣвочку?* У меня ни копѣйки! Скажи они мнѣ въ театрѣ, я досталъ бы у Кирова, Шмитова... они не отказали бы! Надо сейчасъ же продать, все продать... какъ продать? Вѣдь теперь ночь. Повериуся я, вышелъ въ другую комнату и сѣлъ на красный сундучекъ. Нянѣка пугливо шарахнулась въ сѣни... „Вотъ вѣдь въ этомъ сундучкѣ ешь шинельки, рубашечки, а есъ ужъ пѣтъ“!..

— Левъ Николаевичъ, окликнули меня шопотомъ. :

— Что такое... кто? Ахъ это вы. Н. И. Извините.

— Я хотѣла вамъ сказать...

— А, оставьте... уголовенія!

— Нѣть... не то... Я хотѣла... у васъ пѣтъ... а у меня вотъ 15 рублей... Возьмите...

Всталъ я съ сундучка и протянулъ руку.

Взяль... Добрая, подумалъ; я ся мужу ручался вернуть сто рублей... а тутъ еще пятнадцать... Добрая!

— Левъ Николаевичъ, вы забыли...

— Что...

— Вы забыли объ Еленѣ Родіоновнѣ. Позабочьесь о ней! а ужъ гробикъ мы закажемъ, труникъ обмоемъ...

— Обмывать? Да она такая чистенькая... ангельчикъ...

— А ужъ это законъ... обычай.

— Да. Постойте... чего же вы хотите отъ меня?

— Елену Родіоновну надо перенести въ другою комнату. А то она очнется... увидитъ...

— Да. Такъ... И сдѣлать уколъ? Я сдѣлаю два: она скорѣе уснетъ.

— Ну, вотъ. А я останусь почевать, лягу на диванѣ.

— Да. Хорошо... Пойдемте.

Кіановъ хотѣлъ взять Леночку на руки. Дико озираясь, она оттолкнула его, устремила глаза на покойницу, встала, припала къ ней и стала ее ласкать. — Крошка моя, крошечка... Я вѣдь тобою только и живу.

— Леночка, пойдемъ, я сдѣлаю тебѣ уколы!

Ея глаза блеснули синимъ огонькомъ...

— А вы кто такой?

— Возьмемъ ее! шепнуль я Кіанову.

— Елена Родіоновна, пойдемте въ вашу комнату: тамъ Левъ Николаевичъ сдѣласть вамъ уколъ.

— А, разбойники, разбойники! подлецы! Куда вы меня тащите... Гдѣ Нюшечка? Это они, они, актеры, погубили мою Нюшечку... Для нея даже молочка не было! Гдѣ она... гдѣ? у меня есть конфекта, я сей дамъ...

Уложили. Я занеръ дверь къ Пюнѣ. Остались я и И. И. Степанова.

— Полно, Ленуся, всѣ вѣдь должны умереть и кажется чѣмъ раньше, тѣмъ лучше—меньше горя...

— Какъ умереть! Она не умерла, она синть, ты вренишь! Кто вы такой? Зачѣмъ вы здѣсь? Левъ Николаевичъ придетъ, вытолкаетъ тебя въ шею...

— Позвольте... онъ придетъ, я съ нимъ поговорю, все уладится... А теперь, чтобы легче вамъ было, я сдѣлаю вамъ уколъ.

— А вы что же... развѣ умѣете? Вы тутъ какъ... фельдшеръ?

— Да.

Хватилъ два укола (а растворъ морфія былъ восемь гранъ на двѣ драхмы воды)...

— Ахъ, г. фельдшеръ, какъ они меня

избили. Смотрите, синяки на рукахъ, и по головѣ были...

— Кто же?

— Пришли воры... украли... Что они у меня украли?..

Задумалась.

— Что-то украли. Я Левушкѣ скажу, онъ знакомъ съ полиціймейстеромъ... ихъ розыщутъ... Что такое? Ахъ не помню...

— Успите. Завтра все узнаемъ.

— И какъ странно: меня обокрали, избили и меня же въ сумасшедшій домъ... А здравствуйте! увидѣла она Н. И. Степанову. Вы что же тутъ... сестра милосердія? Пожалуйста... не позволяйте меня бить.

Стала засыпать. Успела. Н. И. сѣла на диванъ и машинально рукой, чтобы уходилъ.

Вышелъ я. На полу на простынѣ лежало ничкомъ маленькое тѣльце. Няня обмывала спинку... Няня, вы чистую рубашечку... крестикъ... на розовой ленточкѣ.

— Боже мой, спохватился я:—а башмачки у нея дырявые... Теперь ночь, гдѣ купинть!

Въ дверяхъ стояли Сахаровъ, Савушка (Савинъ) и Кіановъ.

— Вотъ, господа... да... Тебѣ что? увидѣлъ я нашего театральпаго плотника.—

Мѣрочку снять.—Какую?—На гробикъ.—Идите.

Сѣль я.—Она ничего не помнитъ, обратился къ нимъ: думаетъ, что въ сумасшедшемъ домѣ... меня приняла за фельдшера, Н. И. за сестру милосердія... Вы, Кіановъ, должно быть сильно сжали ей руки: у нея синяки на рукахъ...

— Вотъ что, Левъ Николаевичъ, заговорилъ Сахаровъ, дѣла не воротишь; надо скорѣе съ глазъ долой! Завтра утромъ скончанимъ...

Савушка и Кіановъ поддакнули.
— Завтра? А какъ же... Надо-же Леночкѣ попрощаться съ нею.. Придеть въ себя, будеть всю жизнь упрекать меня, что не далъ возможности проститься съ нею... Поцѣловать... Я вотъ что... Завтра утромъ съѣзжу къ доктору... ни къ этому, къ другому... объясню... можно-ли проститься съ нею.

Вошелъ плотникъ.—Къ 7 часамъ утра, сударь, привезу. Э—эхъ...

— Сколько лѣтъ было барышнѣ?
— Четыре.
— А вытянулась-то какъ... ровно семь годковъ! Вздохнулъ и ушелъ...

— Разскажите-же, какъ все это было?
— Вы только-только вышли на сцену, какъ Маша вторично прибѣжала. Барыш-

ня, говоритъ, умерла: попросилась ко мнѣ на ручки, положила головку на плечо, вздрогнула, закатила два раза глазки— и все!..

...Мы Машу сей часъ-же вынудили домой. Я (Сахаровъ) попросилъ Н. И. Степанову поговорить съ вами, потомъ— самъ. Весь театръ зналъ, что она умерла... Н. И. поѣхала съ Кіановымъ сюда.

— Вздрогнула... два раза закатила глазки... То-то ей ставили на грудь компрессъ-шофанъ! Думалъ: зачѣмъ? Тогда еще докторъ пальцами щелкнулъ... Значитъ: ванночки и горчица ни къ чорту!.. А Леночка какъ узнала? Кіановъ рассказалъ, что онъ и Н. И. вошли тихонько въ комнату покойницы; услышали голосъ Елены Родіоновны изъ другой комнаты.—Не шумите, разбудите Нюю... Кто тамъ?

...Вошла. — Что вамъ? А, это вы, Наталья Ивановна. Что такъ поздно?

— Елена Родіоновна... Голубушка, въ жизни всего можно ждать... Сколько, напримѣръ, я вынесла потерь...

Не договорила и захлебнулась...

Леночка взглянула па нихъ, на Нюнечку... Пріѣздъ доктора выручили.

— Ну, что?—Нат. Ив. заплакала. Леночка подошла тихонько къ постели.—Докторъ... посмотрите она спитъ... это

хорошо? Докторъ нагнулся къ трушику.

— Сударыня, чего мы боялись, то и вышло...—Что?!—Умерла.

— Умер... Врете, врете: спить! Пюня, Пюнечка моя... Подлецъ, подлецъ! Что-же ты молчалъ, говориъ, кашку готовьтесь... Все отдамъ, все! Вѣдь вы докторъ... вы учились... Спасите! Можетъ это не то. Бросилась цѣловать его сапоги.

Докторъ поклонился и ушелъ.

Елена Родіоновна поднялась, хотѣла онять подойти къ кровати, страшно вскрикнула и грохнулась на полъ. Обложили ее подушками...—А тутъ и вы пришли! Кончилъ свой разсказъ Кіановъ.

— Левъ Николаевичъ!.. вошла на циничкахъ Н. И. Мы ее одѣли, пока только въ рубашечку: платье очень коротенько: надо распустить оборочки, выгладить... Елена Родіоновна спить, я поѣду домой, ~~дочь миѣ~~ пособитъ... Пріѣду въ 6 часовъ утра.

Уѣхала. Всталъ я, заглянуть въ ту комнату. За мною Савуйка, Сахарчикъ и Кіановъ. Вонзли мы тихонько. На бѣлой кровати лежала она, покрытая бѣлой кисейкой. Я откинулъ кисейку, какъ тогда... въ Кіевѣ. Свѣтъ лампадки прямо падалъ на ея лицико. Помолчали...—Какъ живая!

промолвил Савушки. — Да живал... только ужь очень *блъднѣкая!* Перекрестились... Снялъ сапоги и вошелъ въ чулкахъ взглянуть на Лепочку. Спить.

Всѣль Машѣ лечь у порога.

— Что заслышишь — сейчасъ къ намъ! Говорю къ *намъ*, потому что Сахаровъ остался со мною въ *ночное*.

Кіановъ и Савушки ушли домой...

Лакей Сахарова досталъ намъ штофъ водки. Во всю ночь десяткомъ словъ перебросились.— Закуска плохая...

— Да... Теперь, Левъ Николаевичъ, надо Елену Родіоновну спасать... Да... Помните, Сахарчикъ, Лиръ говорилъ: „Реви всѣмъ животомъ! Дуй! лей, греми и жги“!

— Да... „Повѣшена моя малютка“!

Въ седьмомъ часу утра явилась Наталья Ивановна, а къ восьми и гробикъ.

— Наталья Ивановна, вы тутъ ужь присмотрите. Вотъ на случай Сахаровъ... Я въ минуту къ доктору.

— Левъ Николаевичъ, робко заговорилъ Сахаровъ, если вдругъ что... я растеряюсь... Кіанова позовемъ.

Позвали Кіанова (онъ жиль на одномъ же дворѣ).

Поѣхалъ къ доктору, объяснилъ все.— Мое миѣніе, сказалъ докторъ, мать должна проститься съ своимъ ребенкомъ. За-

Демъ въ аптеку, возьмемъ эфиру, паштырнаго спирту, гофманскихъ капель...

Чтобы не такъ сильно было впечатлѣніе, докторъ совѣтовалъ показать ребенка не въ гробицѣ.

— Что, просыпалась она? спросилъ я Наталью Ивановну. Раза два простонала. — Восхѣлъ къ ней. Докторъ остался около Юони.

— Ахъ, это вы, г. фельдшеръ. Мнѣ нужно лекарство... я не понимаю... У меня все болитъ... о-о-охъ!

— А вотъ сейчасъ. Сдѣлалъ два укола. Перестала охать...

— Леночка!

Она повела глазами. Глаза блестѣли опять синимъ огнемъ.

— Милая моя... Надо проститься... Юнечка наша теперь съ ангелами... ей лучше...

Глаза блеснули искрой сознанія. — Ты врешишь, она спитъ...

— Встань... я подведу тебя къ ней...

— Вы меня обижаете... какое имѣете право говорить ты!

— Ну, извините... пойдемте?

Я и Кіановъ приподняли ее.

— За что вы меня мучите!

Ввели. У всѣхъ замеръ духъ.

Первый взглядъ она бросила на кро-

вать и сурово изъ-подлобья установилась на труникъ. Подащла, сѣла. Тихонько нагнулась и поцѣловала въ лобикъ.

— Она замерла! взвизгнула она.—Она холодная! Крошечка моя.. Я достану денегъ... молочко будетъ... все будетъ. Да посмотри-же на маму! Ты сердита... Я же не виновата! Ну, поцѣлуй маму. Взяла ея головку, долго глядѣла на закрытые глаза... потомъ начала трясти головку. Нюня... Нюня!.. Нѣть, нѣть, не отдамъ! не отдамъ! и, схвативъ труникъ, бросилась бѣжать.

Четверо мужчинъ насили удержали ее и отняли труникъ.

Съ Натальей Ивановной сдѣлалось дурно.

Докторъ обратился ко мнѣ.—Извините, г. Самсоновъ, я не могу... у меня у самого четверо дѣтей... Ушелъ. Силой мы Леночку увели, силой уложили. Рискуя сломать иглу, я все-таки ухитрился сдѣлать ей еще уколъ. Затихла. Терла себѣ рукою лобъ, какъ бы припомнивая что-то.

Нюнечка моя уже лежала въ гробикѣ. Но башмачки... башмачки: черные и дырявые носочки!..

— Закрывать?—Закрывайте... Кіановъ, Наталья Ивановна и нянѣка остались караулить Леночку.

Когда выносили гробикъ, нянька на чала было рыдатъ... Не смѣй! закрылъ я ладонью ей ротъ.

Тихонько внесли дѣвочку въ жизнъ, тихонько ее и унесли!

Я, Сахаровъ, Савушка сѣли въ фаэтонъ, поставили гробикъ на колѣни и съ обнаженными головами повезли нашу Нюню въ послѣднюю кроватку.

При малѣйшемъ толчкѣ слышалъ я, какъ билась головка.

„Гробикъ великъ“!.. Встрѣчные снимали шапки, крестились.

„Спасибо вамъ, спасибо“! Шелъ солдатъ съ ружьемъ: отдалъ честь.

„Спасибо, спасибо“! Сойдатики-братики! вспомнилась мнѣ ея послѣдняя пѣсенька.

Зарыли мы ее при блескѣ юньского солнца, при пѣнѣ жаворонковъ, при лепетѣ собравшихся дѣтей кладбищенского причта и могильщиковъ. Сахаровъ, Савушка плакали... а я, глядя на сосѣднюю могилу, думалъ: отчего нѣтъ креста? Но грудь моя, грудь... Слезы проклятой не было! Кругомъ зелень, безконечно-голубое небо, вѣнокъ на крестикѣ, цвѣты, дѣти... много дѣтей...

А у меня нѣтъ!!.

Консиліумъ кишиневскихъ знаменитостей рѣшилъ: „У г-жи Самсоновой тихое помышательство, геши ребенка спрятать, ее везти въ деревню или въ Вѣну“...

Вещи спряталъ въ красный сундучекъ. Карль Карлычъ четыре дня не выходилъ изъ-подъ дивана. Какъ онъ могъ жить—не знаю... На двѣнадцатый день сидѣли: я, Кіановъ и Сахаровъ въ той комнатѣ, гдѣ стоялъ *красный сундучекъ*. Вдругъ, слышу стукнули туфли. Я къ ней...

Стонть съ распушечной косой и завязываетъ юбку.

— Что вы хотите? — Г. фельдшеръ... пожалуйста... я сейчасъ видѣла въ окно: тамъ гуляютъ другіе... чѣмъ же они лучше меня? Я хочу погулять... пожалуйста!

— Вы еще такъ слабы... надняхъ на-вѣро докторъ позволить.

Она печально сѣла на кровать.

— Ну, а по комнатамъ?—По комнатамъ можно, сказаль я какъ можно громче, чтобы предупредить Сахарова и Кіанова,

Голова, руки и ноги у нея тряслись. Я повелъ ее въ ту комнату. Вышла, остановилась, посмотрѣла на комодъ, па окно и медленно повернула голову въ ту сторону, гдѣ стояла ея кровать. Кіановъ уже стоялъ на случай около меня. Сахаровъ обомлѣлъ и ушелъ въ сѣни. Долго она

что-то соображала, потомъ быстро глянула направо, унерлась глазами въ красный сундукъ. Трясясь, сиотыкаясь какъ ста-рушенка, она бросилась туда, открыла крышку... Съ самаго верху лежала та шинелька, въ которой Юноя въ послѣдній разъ гуляла.

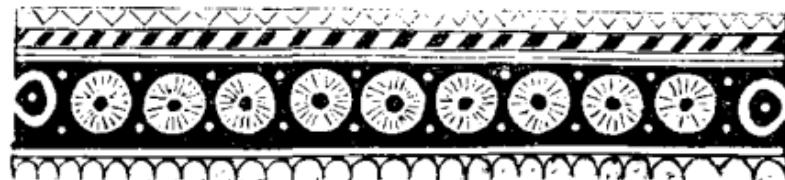
— Нашла! Нашла! съ воцлемъ упала она на колѣни. — Это вы ее сюда спрятали... Начала выбрасывать рубашечки, куколки, кастрюлечки. Нѣтъ?! Нѣтъ!!.. и покатилась съ рыданіемъ на полъ.

Вотъ тутъ и я ужъ зашакаль... Она пришла въ себя въ полной памяти.

Теперь за двѣ тысячи верстъ отъ насъ стоитъ маленький крестикъ подъ деревомъ—стоить подъ дождями и выногами, подъ солнцемъ, луною и тьмою. Спи, наша дорогая! Хотѣли мы тебѣ поставить памятникъ... но деньги гдѣ? деньги гдѣ? А по-томъ: я долженъ маму твою спасать...

Пускай эта маленькая исторія твоей крошечной жизни будетъ тебѣ моимъ посильнымъ памятникомъ. А господину въ бобрахъ, который бросилъ тебя на морозъ—пощечиной.

VI.

Босой баталіонъ.

Дѣло о кражѣ души.

АТРЕПА, что же ваша свадьба?

— А бѣсь его дери, кто теперь за него пойдетъ.

— Что такъ?

— Да попалъ въ Босой баталіонъ?

— Какой Босой баталіонъ?!

— Кабакъ такой тутъ есть. Коли денегъ нѣть, снимаютъ саноги, пальтишко... вотъ такъ и съ нимъ вышло.

— Это скверно.

— Да чего хуже, сударь.

— Не хочу я съ тобою жить, не хочу жить! рыдала жена. Вѣдь мой ребенокъ, что хочу, то и дѣлаю.

— Но, душа моя, бить ребенка за то, что разбить стаканъ...

— Да вы знаете ли какой это стаканъ! Это память моей мамочки... И какъ вы смѣли вытолкнуть меня въ другую комната! Велика важность, что вы профессоръ. У меня тоже свой умъ. Я вамъ не студентъ, что разиня ротъ васть слушаетъ. Матрена, укладывайся!

Шканы и сундуки раскрыли, ящики всюду выдвинули, на столахъ и стульяхъ ворохи юбокъ, платьевъ.

— Уѣзжай! Ты, значитъ, пасть съ Мишней не любишь... Если что нужно будетъ, пиши!

— Не любила и не люблю, не любила и не люблю! затопала она ногами.

Уѣхала. Молода была. Отецъ былъ развратникъ, мать умерла, когда она была еще въ колыбели. Какъ мотылекъ летѣла на огонь.

Мужъ ее и называлъ *Мотылкомъ*.

Оставила ему шестилѣтнюю Мину, двухъ коисечекъ, собаку и безысходное горе.

Старъ краинить онъ свою тоску работою, Аудиторія его всегда полна... Уходя изъ дома, бывало, скажетъ: — Няня, ужъ вы за Мишней приглядите! И зашагаетъ согбенный по улицѣ...

Няня... Щетъ, я ошибся: не одна была няня, а три. Да, три. Котечка, собака и женщина.

Это очень простая и маленькая увертюра къ Босому баталіону. Прочитать ее надо, иначе ничего не выйдет...

Кошечки были черненькая и бѣленькая.

Черненькую *Мотылекъ* сначала называли *Наполеончикомъ*, ибъ подъ бѣлой мордочкой была черная испаніолка. Но новела она себя неприлично, — разжаловали въ *Мужиченко-Никашку*. Но и тутъ дѣло не выгорѣло: Никашка началъ прыгать по столамъ, комодамъ, взбираться по портьерамъ на шкафы и проч. Гдѣ же это видано, чтобы мужикъ прыгалъ! Развѣ пьяный, да и то подъ балалайку, либо головой внизъ въ омуть. А разъ *Мотылекъ* была окончательно сконфужена. Пріѣхала къ ней баронесса фонъ-и роч.— Мужиченко какъ шарахнеть къ ней на шею, та такъ и присѣла: пришлось давать лавро-вишневыя камли... Черненькую опять лишили чина. Назвали *Зайчикомъ*.— Бѣленькая была тихенькая, смирная, только бывало глаза все щурить. Ложилась спать всегда съ Мишей. *Мотылекъ* ножаловала ей чинъ *Няни*. Зайчињъ же спаль то на комодѣ, то въ печуркѣ, то неизвестно гдѣ. Вообще, его и съ полиціей

было бы трудно разыскать. Вдругъ Зайчикъ и няня стали прощадать... Дѣло кончилось тѣмъ, что Мотыльку пришлось ухаживать за шестью котятами, принесенными Зайчикомъ. Няня принесла одного и то не умѣла откусить пушинку,—осталась бездѣтной. Должно быть, тоскуя о своемъ дѣтищѣ, она караулила, когда Зайчикъ выскочитъ погулять, и сейчасъ же шагъ въ печурку, гдѣ было логовище котятъ и, мурлыкая, начинаетъ облизывать ихъ, но *не кормить*. Случалось, котенокъ выпадалъ изъ печурки. Бѣленъкая поднимала цѣлый гвалтъ: сутилась, бѣгала, мяукала и мурлыкала съ какимъ-то стономъ. Зайчикъ же въ подобныхъ слuchаяхъ, не долго думая, щапъ котенка за шиворотъ и прыгъ съ нимъ въ печурку.

Тутъ смѣшнаго и глупаго ничего нѣтъ. Брэмъ упустилъ это изъ виду... Грустныя надписи на старыхъ вагонахъ „*40 нижнихъ чиновъ, 10 лошадей*“, не такъ возмутительны, какъ кажется съ первого взгляда. Пріютилъ я когда-то воробушка, вынавшаго изъ гнѣзда. Выкормилъ. Обѣдалъ постоянно со мною. По комнатамъ леталъ свободно. Окна раскрывались. Онъ вылетѣть, ну! думаю, пропалъ мой воробушекъ! Ничуть не бывало! Опять вернулся, усѣдется на столъ и вопроситель-

но смотрить глазенками, точно сиравляясь, не сержусь ли я на него? У моего товарища былъ голубъ, который постоянно ъздила съ нимъ: сидеть па плечо и сидеть; сидеть на улицѣ и въ гостяхъ. Попробуйте, бывало, дотронуться до хозяина: голубъ растопырить крылья, насторожить перья и норовить клюнуть. Не дѣлай человѣкъ изъ животнаго *изрушку*, имѣй въ виду его благо и развитие изъ вѣка въ вѣкъ, мы и вообразить себѣ не можемъ, чѣмъ оно могло бы едѣлаться. Оно перенимчиво, какъ ребенокъ. Оно и теперь во многомъ выше человѣка. Человѣка учать ъсть, учать ходить, учать строить себѣ жилище. Животныя все это безъ учителя дѣлаютъ... Они наши друзья. Любовь къ животному—барометръ нашей души...

Вотъ, господа, моя теорія. Доказывать же докторъ Шелферъ въ Берлинѣ на популярной лекціи, что земля неподвижна. Отчего же по моей теоріи кошка не могла быть *иляней*?

Въ это-то время Мотыльку и зашла блажь въ голову. Захватила одного котеночка, Матрешу—и удрала.

Профессоръ очень тосковалъ. Глупенькая, глупинькая, что ты надѣлала! про-

и нечтъ бывало, оттолкнетъ свои бумаги, подонреть голову рукою и заплачетъ. Разъ кто-то лизнулъ его щеку теплымъ языкомъ. Это была ея собачка Дружокъ. Сидя на столѣ, смотрѣть онъ на своего барина со слезами на глазахъ и махалъ хвостикомъ.— О, милый мой... Одни мы! Хоть ты ужъ отъ моего мальчика не отходи... Опять лизнулъ.

„Что дѣлать, что дѣлать“? Вѣдь мальчикъ мой ростеть... *a матери нѣть!* Ишелъ поглядѣть на своего мальчика. Мальчикъ сиалъ, раскинувшись руки и ноги, какъ казакъ въ „Тарасѣ-Бульбѣ“ при выѣздѣ въ Запорожскую Сѣчь. Въ головахъ лежала бѣленыкай кошечка...

Сѣять онъ за обѣдомъ ложки четыре суни, кусочекъ мяса и улегся спать.— Баринъ, баринъ, что съ вами? разбудила его няня.—А что?—Вы кричите, плачете. Щеки его были мокрыя отъ слезъ. Онъ не помнилъ, что опять видѣть во снѣ, только въ груди у него все дрожало.—Хорошо, дайте мнѣ воды холодной.

Вдругъ у него блеснула мысль!.. Отчего же? Ночему? Мнѣ вѣдь *самому* неловко... ей *первой* стыдно... Да. Такъ.

Выпилъ два стакана воды, сѣль писать.

„*Письмо къ барынѣ отъ Дружка.* За что вы меня, вашего Дружка, забыли! А

я такъ любить васть. Я верстъ двѣсти выбѣгалъ въ степи, чтобы только найти вась, когда, выпущенный изъ тарантаса, отсталъ отъ вась. Сколько людей меня манили, кидали хлѣбъ, ставили молоко. А я все *васъ* искаль. Три ночи громъ, молния, дождь проливной... Я могъ бы спрятаться въ жилье зазывавшихъ меня людей. Косари вамъ сказали, что ночью на одной конинѣ ровно кто на скрипичкѣ игралъ. Это я визжалъ. Я хорошо помню, какъ вы взяли меня къ себѣ маленькаго, жалкаго щеночка, какъ ухаживали за мною, лечили меня, когда напала на меня чума. Помню я это. И мнѣ забыть васть! Я стерегу вашего Мину, баринъ уходитъ на службу. Кто убережетъ ребенка? Няня любить вынинвать. Только я и бѣленъкая кошечка стережемъ его. А мы вѣдь неразумныя! Что мнѣ: кинь кто нибудь kostочку, я и сытъ. А когда мой баринъ послѣ вашего отѣзда захворалъ и меня взялъ къ себѣ хозяинъ нашего дома, чтобы я не мѣшать уснуть больному, я все рвался къ нему, однокому. И когда меня впустили, я думалъ, что съ ума сойду отъ радости, разъ 10 по комнатѣ въ галопъ хватилъ. Что же это кругомъ дѣлается? Моя собачья голова не понимасть. Несужели мы, собаки, лучше людей? Да вы

и сами постоянно это говорили. Зачем же вы пошли въ разрядъ тѣхъ, кого сами осуждали!

Когда я соображаю это, когда слышу по почамъ печальные стоны барина, мнѣ тоже дѣлается тяжело, поднимаю голову къ верху и начинаю у-у-у! А мы такъ любили васъ! *Дружокъ*“.

Какъ видите, профессоръ былъ такой же чудакъ, какъ и я.

— Пріѣхала, пріѣхала, милая, дорогая!

— Здравствуй, здравствуй! Отосли на пароходъ 12 руб., мнѣ повѣрили. А гдѣ Мина?

— Тамъ.

Цѣловала мальчика, ласкала. Тотъ испуганно таращилъ на нее глаза и спросилъ: развѣ ты моя мама?

— Мама твоя глупая, мама твоя гадкая. Но я буду лучшe, я буду лучшe.

Жизнь пошла хорошо... Мальчика она одѣвала какъ куколку: то въ шотландскій костюмъ, то въ русскій и т. д.

Няня... Да, я кажется о ней еще ничего не сказала. Это была простая мѣщенка, старушка, больше что же? Узнаете дальше. Няня, любя и лаская ребенка, давала ему леденчики и т. п., приговаривая: кушай, дитятко, только *тихонько*,